

Т. Н. Клименко

ТИПОЛОГИЯ ИРОНИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ

Работа представлена кафедрой английской филологии.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. А. Казакова

Статья посвящена малоизученной проблеме в исследовании иронии – проблеме определения типов иронических контекстов. Проанализировав возможные подходы к определению контекста, предпринята попытка выделить типы лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на формирование смысла иронического знака.

The article covers the problem of linguistic and extralinguistic factors forming ironical contexts and discusses different approaches to defining ironical context and distinguishing its types.

Большинство исследователей признают, что иронию можно распознать лишь в

контексте. В определении иронии, предлагаемом И. Н. Ивановой, контекст является

обязательной компонентой: «Ирония есть ощущение возможности иного контекста, других точек зрения...»¹. «Указание на контекстуальную относительность слова или фразы отныне превращается в методологическую максиму, ибо язык живет во множестве взаимопересекающихся, равно легальных, хотя и по-своему значимых, в разной степени денотативных и коннотативных контекстов»².

Существуют разные подходы к понятию контекста и, соответственно, различные определения контекста.

Контекст – центральное понятие как для лингвистики, так для «наук о познании» в целом, к которым относятся не только когнитивные науки (когнитивная психология и лингвистика, когнитивная социология, логика, нейрофизиология), но и психология личности, социальная и культурная антропология, культурология. Антропологический поворот в науках отразился на лингвистической проблематике понимания и интерпретации, невозможных без обращения к контексту.

На сегодняшний день, как отмечает И. Т. Касавин, современная социальная антропология рассматривает контекст в следующих измерениях:

- окружение (*setting*): социальные и пространственные рамки, в которых происходят интеракции;
- поведенческая среда (*behavioral environment*): способ, в котором участники используют свои тела и поведение как ресурсы для фреймирования и организации разговора (жесты, позы, взгляды);
- языковой контекст (*language as context*): способ, которым сам разговор или текст озвучивает и продуцирует контекст для другого разговора или текста;
- экстраситуационный контекст (*extra-situational context*): понимание обмена репликами требует «базисного знания» (*background knowledge*), которое выходит далеко за пределы локального разговора и непосредственного окружения³.

Ирония, являясь социально-культурным феноменом, проявляется во всех вышеуказанных измерениях, и исследователи феномена иронии рассматривают его в рамках, задаваемых следующими контекстами: 1) ситуационный (социально-исторический); 2) паралингвистический; 3) языковой (лингвистический) или линейный; 4) экстралингвистический (культурологический) или вертикальный.

Многообразие лингвистических и экстралингвистических факторов, имеющих непосредственное отношение к контексту, его полифункциональность и различие исследовательских интересов относительно данного понятия предопределяют существование различных теорий контекста и различных принципов подхода к определению понятия.

Рассмотрим существующие определения контекста в лингвистике. Прежде всего исследователи различают *лингвистический* и *экстралингвистический* контекст. «Лингвистический контекст – языковое окружение, в котором употребляется конкретная единица языка в тексте»⁴. К экстралингвистическому контексту относят обстановку, время и место, к которым относится высказывание, а также факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании. Экстралингвистический контекст делится на ситуационный (время, место, обстановка) и культурологический (факты реальной действительности).

С точки зрения структуры лингвистический контекст можно рассматривать на уровне слова и предложения, выделяя, соответственно, *лексический* и *синтаксический* контексты. Под лексическим контекстом понимается совокупность лексических единиц, в окружении которых используется конкретная единица текста; а синтаксический контекст есть синтаксическая структура, в рамках которой употреблено конкретное слово в тексте⁵.

Кроме того, лингвисты различают *узкий (микро)* и *широкий (макро)* контекст. Под «узким» контекстом понимают лингвистический контекст в пределах словосочетания и предложения, под «широким» – контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена языковая единица.

Н. Н. Амосова рассматривает «узкий контекст» как конструктивный фактор, а «широкий контекст» – как ситуативный фактор⁶. В работе «Основы английской фразеологии» исследовательница отмечает необходимость различения двух факторов реализации значения слова: контекст и речевую ситуацию⁷, несмотря на их общую функцию – создавать условия употребления слова. Основное различие между ними, по ее словам, «то, что в одном ряду явлений семантически реализуемое слово выступает в определенной конструктивной связи с другими элементами некоего речевого целого; а во втором ряду это слово получает семантическую реализацию независимо или даже вопреки этому речевому целому». Как можно видеть из этого рассуждения, *контекст* у Н. Н. Амосовой – это реализация значения слова на основе определенных закономерностей сочетаемости слова данного языка в данный момент его синхронии, что соответствует содержанию термина *лингвистический контекст*. По мнению исследовательницы, «соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом и составляет к о н т е к с т»⁸.

«Если же указание идет от речевой ситуации – действительной или изображаемой, – то реализация значения слова оказывается зависящей – непосредственно или опосредованно – не от языковой материи и закономерностей ее организации, а от условий, сопровождающих данный речевой акт, но не сводимых к его материальной форме»⁹.

Таким образом, под речевой ситуацией Н. Н. Амосова понимает контекст *экстралингвистический*, который может выступать в двух формах. Прежде всего это может

быть реальная обстановка данного речевого акта, «бытовой контекст» в терминах А. А. Реформатского; и «фиктивная ситуация», т. е. упоминание о ситуации в устном или письменном повествовании, – сообщаемая или текстовая ситуация¹⁰.

В связи с принципом автономности лексического значения от языкового окружения Н. Н. Амосова различает *переменный* и *постоянный* контекст. Переменный контекст по характеру указательного минимума может быть: *лексический*, *синтаксический* и *смешанный/комбинированный (лексико-семантический)*. Переменный характер лексического и синтаксического контекста определяется «подменяемостью» слов, входящих в указательный минимум любого из указанных типов. Единицами переменного контекста, по Н. Н. Амосовой, являются так называемые «свободные» сочетания слов, с точки зрения их функции выступающие как единицы номинации, с точки зрения содержания – как формы выражения сложной, но членимой на семантические элементы семантемы. Единицами постоянного контекста являются фразеологические единицы. При этом исследовательница отмечает такие важные свойства контекста, как его *повторяемость* и *устойчивость*. Устойчивость есть результат действия не только внеязыкового фактора (повторяемости предмета речи, совпадение речевых ситуаций), но одновременно и внутриязыкового – речевого узуса (речевого обычая). Речевой узус превращает сочетания в некие фразовые штампы, типа: *to hope for the best, to have no idea, to come to an end, work of art*¹¹. По сути, это те же переменные сочетания, но выражение номинации является традиционным.

Г. В. Колшанский предлагает несколько иную классификацию контекстов: *микрконтекст (грамматический контекст)* – в пределах предложения; *макрконтекст* – в пределах абзаца; и *текстовый, тематический* контекст – за пределами абзаца¹². С. И. Походня называет текстовый контекст *мегаконтекстом*¹³.

Таким образом, большинство лингвистов подразделяют контекстные условия языка на два разряда. К первому из них относятся случаи снятия многозначности на лексическом и синтаксическом уровнях – явления полисемии, омонимии и синонимии. В терминах Г. В. Колшанского, этот разряд контекстуальных условий может быть назван «сигнификативным контекстом». Ко второму разряду причисляются «факторы, относящиеся к самим предметам и явлениям, точнее – к знаниям контекстов о соответствующих предметах и явлениях. К ним должны быть отнесены знания реалий и неологизмов, суть которых может быть расшифрована не внутренним контекстом, а, так сказать, материальным контекстом, к которому могут быть причислены демонстрации самих предметов, их изображения, схемы и графики и различные описания, относящиеся к самому денотату»¹⁴.

А. А. Уфимцева предлагает выделять *системный семантический контекст*: «Системный семантический контекст, реализующий то или иное значение полисемантического слова, не однороден и включает следующие компоненты: 1) семантически реализуемое слово; 2) лексически сочетающееся, так называемое ключевое слово; 3) модель лексической сочетаемости; 4) модель синтаксической сочетаемости»¹⁵.

Для иронии, как явления, реализующего скрытое имплицитное отрицание некоторой истины, второй, третий и четвертый компоненты семантического контекста могут: 1) не быть эксплицитно выраженными, но составлять подтекст на основе знаний культурного контекста; 2) быть преобразованными (оказиональным употреблением) и существенно отличаться от обычных стереотипных моделей, принятых в узусе.

Анализ контекстных условий, по Г. В. Колшанскому, а также условий реализации семантического контекста, по Н. Н. Амосовой, еще раз подтверждает важность разграничения двух основных типов иронии, различающихся по способу

и условиям реализации в зависимости от типов контекстов, предложенных С. И. Походня. Ситуативная ирония – это ирония, которая реализуется *ситуативным контекстом* за счет контраста ситуативного (контекстуального) и прямого значения слова. Этот тип иронии, по замечанию С. И. Походня, реализуется в микро- и чаще в макроконтекстах¹⁶. Для реализации смысла этого типа иронии используются средства лексического и синтаксического уровня, которые образуют относительно простой контекст с двухчастной структурой: изложение ситуации и ее оценка автором или персонажем. Второй тип иронии более сложен по способу и условиям реализации, завуалирован в системе художественного произведения – это ассоциативная ирония, при которой «новые значения возникают градуально. Градуальное приращение новых значений требует больших контекстов...»¹⁷.

Ассоциативный контекст имеет сложную структуру с контактными и дистантными расположением значимых элементов, а иногда вообще не эксплицируется, составляя историко-культурные знания говорящего или слушающего, так называемый «вертикальный» контекст (термин введен О. С. Ахмановой). В статье О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет «Вертикальный контекст» как филологическая проблема» этот термин трактуется как «историко-филологический контекст данного литературного произведения»¹⁸. В настоящее время этот термин широко используется¹⁹.

В большинстве лингвистических работ, исследующих феномен иронии, принимается следующая классификация его контекстов: вербальный (ситуативный) и текстовый (ассоциативный). В основе этой типологии главным критерием выступает характерологический аспект проявления контекста, т. е. форма как носитель некоего содержания (значения) языкового знака. Специфичность иронических знаков, («иронический знак» понимается нами как знак, моделирующий иронический смысл некое-

го высказывания в условиях лингвистического и экстралингвистического контекстов) заключается в намеренном использовании знака, реализующего буквальный смысл, отличный от выражаемого, а также в необходимости переосмысления буквального значения и приращения к нему добавочных смыслов на контекстуальной основе. Форма выражения смысла иронического знака может быть как эксплицитной, так и имплицитной. Соответственно, с точки зрения формы иронические контексты можно разделить на *эксплицитные* и *имплицитные*.

В рамках эксплицитного контекста в зависимости от условий реализации можно выделить *лингвистический* и *паралингвистический* типы. Лингвистический в зависимости от письменной или устной формы изложения может быть либо жестко структурированным (в письменной речи), либо нежестко структурированным (в устной речи). Паралингвистический контекст можно разделить на подвиды: *интонационный (просодический)* и *жестово-мимический (поведенческий)*.

Лингвистический контекст (дискурсивный и вербальный) может реализовать иронический смысл языкового знака на любом уровне языковой системы: фонемном, морфемном, лексическом, фразовом, синтаксическом и текстовом, привлекая паралингвистические средства при вербальном контексте (в устной речи) или вербализуя паралингвистические контексты (в письменной речи). Таким образом, коммуникативная составляющая иронического знака эксплицируется при помощи лингвистического и паралингвистического контекстов и обуславливает (путем намека на имплицитный компонент знака) его скрытое содержание. Это содержание определяется *ситуационным* (знания социально-исторического плана), *психологическим* (знание психологических особенностей говорящего и слушающего, их эмоционального состояния в момент речи) и *вертикальным* (общего тезауруса говорящих) контекстами.

Функциональный аспект иронического контекста может проявляться по-разному в зависимости от условий коммуникативного акта. С функциональной точки зрения можно выделить следующие контексты:

1) *фатический*, или контактоустанавливающий (*И-да, хороша погода!*); учитывая стереотипность контактоустанавливающих формул, данный тип иронического контекста будет ограничен клишированными фразами и штампами;

2) *метаязыковый*, который служит целям подчеркивания индивидуальной оценки смысла (*Ну и герой!*);

3) *эстетический*, который оказывает эмоциональное воздействие на адресата, реализуя иронию как средство общей образности/иносказания (ирония в узком смысле) (*сочинить шопенгауэр* у Т. Толстой в романе «Кысь») или как категорию текста (ирония в широком смысле) (принцип двоемыслия в романе «1984» у Дж. Оруэлла).

Данная типология иронических контекстов учитывает семантический, структурный, функциональный и характерологический аспекты таких многоплановых явлений, как контекст и ирония.

Применяя межсемиотический подход к определению иронии, т. е. пригодный для анализа разных семиотик, по словам Н. Б. Мечковской²⁰, мы можем наблюдать, как *когнитивно-коммуникативная ситуация несоответствия знаков одной системы знакам другой* (наше понимание иронии) проявляет и «обозначает» себя при условии знаний выделенных контекстов. Именно наличие достаточных знаний эксплицитного (лингвистического) и имплицитного (экстралингвистического) контекстов обеспечивает успешное порождение и восприятие иронических знаков.

Исследуя иронию на материале художественных текстов, т. е. занимая позицию реципиента, мы подходим к объекту исследования – ироническому смыслу как знаку, обусловленному формой произведения, т. е. его *лингвистическим контекстом*. Для интерпретации иронии в художественном

тексте лингвистический контекст целесообразно делить на следующие контексты: *лексический, грамматический: морфологический и синтаксический, и стилистический*. Такое деление условно, и в реальной коммуникации мы имеем дело, как правило, с контекстами смешанных типов: *лексико-грамматический, лексико-стилистический* и т. д.

К *стилистическому контексту*, в частности, можно отнести приемы конвергенции (И. В. Арнольд), т. е. приемы, работающие на создание иронических тропов, или *словесно-образный стилистический контекст*, а также стилистическое смешение функциональных стилей и регистров речи – *функционально-речевой стилистический контекст*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иванова И. Н.* Ирония в книге стихов В. Я. Брюсова «Tertia Vigilia» (3.10.2006): Конференция СГУ; интернет-конференция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: < <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=499> >

² *Касавин И. Т.* Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология & философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2005. Т. VI. № 4. С. 3–14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://journal.iph.ras.ru/4-05.doc>>

³ Там же. С. 10–11.

⁴ Глоссарий.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <www.glossary.ru>

⁵ Там же.

⁶ *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 29–30.

¹¹ Там же. С. 103–104.

¹² *Колианский Г. В.* Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. С. 47.

¹³ *Походня С. И.* Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. С. 62.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. С. 221.

¹⁶ Там же. С. 63.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ *Ахманова О. С., Гюббенет И. В.* «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. М., 1977. Вып. 3. С. 49.

¹⁹ *Колианский Г. В.* Указ. соч. С. 79; *Никитина С. Е., Васильева Н. В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996. С. 61–62; *Лагута О. Н.* Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Ч. 1: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. С. 13; *Геращенко А. М.* Вертикальный контекст и важность его изучения для межкультурной коммуникации // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: Материалы II международной научно-практической конференции. Барнаул, 5–6 октября 2006 г.: В 2 ч. / Под ред. Т. Г. Пшенкиной. Барнаул: БГПУ, 2006. Ч. 1. С. 21–24.

²⁰ *Мечковская Н. Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 226.